



ИСТОРИЯ ИСЛАМА
Ответственный за рубрику: Асатрян Г.С.
© Исламоведение. 2021. Т. 12, № 3 (49)

HISTORY OF ISLAM
Person in charge of the section: Asatryan G.S.
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2021. Vol. 12,
№ 3 (49)

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-12-3-102-113

УДК 94(5)

Содержание статьи

Информация о статье

*В.П. Литвинов*¹ Введение
Исторические модели полиции в
исламских странах
Религиозная полиция в
мусульманском мире
Заключение

Поступила в редакцию: 07.06.2021.
Передана на рецензию: 09.06.2021.
Получена рецензия: 27.06.2021.
Принята в номер: 27.08.2021.

Проблемы полицейской службы в государствах мусульманского Востока: эпоха Средневековья и Новое время

Независимый исследователь; litwinov.slav@yandex.ru

Статья посвящена истории полиции в государствах мусульманского Востока в Средние века и Новое время. Утверждается, что она появилась в этом регионе в родоплеменных сообществах еще до возникновения государства и выполняла в том числе и функции политического сыска. В образовании полиции в странах мусульманского Востока сыграли свою роль общие закономерности мирового развития, а также специфика ислама как религии и шариата как законодательства. В статье обозначены и содержательно раскрываются исторические модели института полиции в мусульманском мире, в том числе выполнявшие функции тайных подразделений. Большое внимание в ней уделяется деятельности религиозной полиции в Средней Азии. По мнению автора, ее отмена в Русском Туркестане обнажила много негативных явлений, существовавших ранее в жизни мусульманского социума еще в дороссийский период. Делается вывод, что полиция в государствах мусульманского Востока в целом сыграла исторически положительную роль в развитии региона.

Ключевые слова: *Восток, Средняя Азия, Русский Туркестан, мусульманский мир, эпоха Средневековья и Новое время, полиция, политический сыск, религиозная полиция, кази-раисы.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-12-3-102-113

UDC 94(5)

Content of the article

Information about the article

*V.P. Litvinov*² Introduction.
Historical models of the police in Islamic
countries.
Religious police in the Muslim world.
Conclusion.

Received: 07.06.2021.
Submitted for review: 09.06.2021.
Review received: 27.06.2021.
Accepted for publication: 27.08.2021.

¹ Вячеслав Петрович Литвинов – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

² Vyacheslav Petrovich Litvinov – Cand. Sc. (History), independent researcher.

On the Problems of Police Services in the States of the Muslim East: the Middle Ages and the Modern Period

Independent researcher; litwinov.slav@yandex.ru

The article is devoted to the history of the police in the states of the Muslim East in the Middle Ages and the modern period. According to the author, the police appeared in the tribal communities of this region even before the emergence of the state and performed, among other things, the functions of political investigation. In the countries of the Muslim East, the formation of the police was determined by the general regularities of global change, as well as the specificity of Islam as a religion and Sharia as legislation. The article identifies the historical models and reveals the nature of the institution of the police in the Muslim world, including their national security functions. Much attention is paid to the activities of the religious police in Central Asia. According to the author, their abolition in Russian Turkestan revealed many negative phenomena that had existed earlier in the life of Muslim society in the pre-Russian period. The author concludes that in the states of the Muslim East as a whole the police played a historically positive role in the development of the region.

Keywords: the East, Central Asia, Russian Turkestan, the Muslim world, the Middle Ages and the modern period, police, political investigation, religious police, kazi-rai.

Введение

Актуальность проблемы исследования опыта полицейской службы возросла в связи с воссозданием в современной России вместо милиции дореволюционного института полиции, а также усилением общественного дискурса о необходимости учёта различных факторов, в том числе и религиозного, в исполнении ряда функций как самой полицией, так и различными органами государственной власти в целом. Появилась необходимость изучить историю полиции всесторонне, на основе не только отечественного, но и зарубежного опыта, причем как во времени, так и в пространстве. Как правило, исследователи истории полиции изучают ее прошлое в рамках христианских государств – Европы, США, Латинской Америки, Австралии и др. Вопросы деятельности полиции в мусульманском мире освещаются в значительно меньшей мере. Поэтому представляется важным придать им должную научную рефлексивность, начиная с Востока, где мусульманская религия получила государственный статус и все вытекающие из этого институциональные функции, в том числе, полицейские. Наиболее характерным этот процесс был для стран Ближнего Востока и Средней Азии, одними из первых принявших ислам. Соответственно и хронологические рамки изучения проблемы мусульманской полиции должны включать эпоху Средневековья и период Нового времени.

Вопрос о генезисе полиции как института во всемирно-историческом развитии, на наш взгляд, пока еще окончательно не решен. Большинство исследователей связывают ее появление с возникновением государств на мировой арене. И поэтому проблема полицейских учреждений в странах Древнего мира (Египет, Месопотамия, Индия, Китай, Греция, Рим и др.) изучена не в полной мере. Утвердившийся подход к истории полиции в значительной мере испытал влияние марксизма. Ф. Энгельс писал: «Государство предполагает особую публичную власть, отделенную от всей совокупности постоянно входящих в его состав лиц», но при этом уточнял, что «по отношению к гражданам публичная власть первоначально существовала только в качестве *полиции, которая так же стара, как государство*» [34, с. 134] (курсив наш. – В.Л.). Можно здесь также вспомнить

его небесспорный тезис о родовом строе, свободном, с точки зрения немецкого мыслителя, от «представителей государственной власти»: «Что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюремщиков, без судебных процессов – все идет установленным порядком» [34, с. 109].

Исследования В.П. Алексеева, А.И. Першица, Л.Г. Моргана, С.А. Токарева, Э. Тэйлора, Дж. Фрэзера, Ф. Энгельса и других показывают, что в потестарный (догосударственный) период в крупных людских агломерациях существовали группы, исполнявшие полицейские функции. Авторитетные знатоки государства и права аргументированно доказывают, что «при родовом строе, выросшем из общества, не знавшего внутренних антагонизмов, не было никаких других способов принуждения к подчинению власти старейшин и соблюдению обычаев, кроме общественного мнения» [29, с. 45]. Но при этом они признают, что «общественная власть немыслима без принуждения» [29, с. 45], имея в виду именно полицейское принуждение. Религиозное обоснование этого мы находим и в Библии: во Второзаконии (евр. «Дебарим») Бог наставляет Моисея в том, что, если обнаружится человек, выступающий против власти, «да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не прикрывая его... но убей его... побей камнями до смерти» [6, с. 205]. Следует поражать даже всех жителей городов, которые соблазнились выступить против власти [6, с. 205]. Таким образом, есть основание полагать, что необходимость создания полиции напрямую не связана с появлением государства как такового.

Исторические модели полиции в исламских странах

История мусульманской полиции начинается с Арабского халифата. Ее возникновение и развитие, формирование функциональной ответственности, безусловно, происходили по общемировым лекалам – закономерностям диалектического становления этого общественно-исторического института. Вместе с тем диалектика, кроме категории «общего», знает категории «особенного» и «единичного». Особенное заключалось в том, что мусульманские государства возникали не только на основе всеобщих объективных предпосылок, но и на основе исламского вероучения как идеологии национального единения арабов: «в условиях сомнений одних, препирательств и споров со стороны других и прямого противодействия третьих и нужно было для каждой стороны найти необходимые слова и меры» [18, с. 137].

Как известно, исламская государственность арабов оформилась при правлении династии Омейядов. При первом омейядском халифе Муавии ибн Абу Суфьяне (661–680 гг.) в Ираке местным правителем Зийяде ибн Абиhi (ум. в 673 г.) впервые в исламском мире были созданы полицейские соединения («шурта») [15, с. 67], в которых командующие в мирное время считались высшими военными руководителями области. Так, «в одной Басре был создан отряд в 4 тыс. полицейских» [18, с. 155], по аналогии с отрядами, существовавшими ещё при персидском шахе Хосрове I Ануширване (531–579 гг.), с той лишь разницей, что в средневековой Персии начальник полиции назывался «асас» и выполнял функции ночного стража [12, с. 496]. Муавия настолько трепетно относился к вопросам подбора полицейских, их обязанностей и дисциплины, что однажды, заметив, как два начальника полицейских отрядов в шутку задирали друг друга, «приказал одному из них сдать оружие, а другого уволил» [25, с. 480]. В Арабском халифате полицейские функции возлагались не только на *шурта*, но и, к примеру, на «специальные отряды наемников, возглавляемые мухтасибами» [13, с. 214].

С приходом династии Аббасидов положение полицейских служб в халифате почти не изменилось. В Багдадском халифате продолжала существовать должность «начальника полиции («сахиб аш-шурта»), считавшаяся придворной. На местах они назывались «сахиб ал-мау на» [24, с. 31]. Большую роль в полиции играли также раисы, считавшиеся вторыми по значимости лицами после хакимов (правителей городов и весей), и несмотря на то, что они не имели в то время отношения к религиозной полиции, их назначали преимущественно из числа мусульманских богословов. В последующем раисами стали называть градоначальников.

Что касается мухтасибов, то они первоначально исполняли в халифате роль торговой полиции – наблюдали за соблюдением единых мер и весов на базарах, качеством ремесленных изделий и за ценами на все товары [18, с. 7], а позднее их наделили функциями «цензоров нравов» [11, с. 496].

Давая характеристику полицейским халифата, А. Мец отмечал, что знаком их отличия «был длинный нож (табарзин), который они носили на поясе. По ночам полицейские патрули (тауф или асас) ходили до первой утренней молитвы», и «всякий, кому удалось вырваться из рук патруля, мог быть уверен в помощи горожан» [24, с. 381]. Нередко им приходилось даже умирять ссорящихся между собой христиан. К примеру, «в III/IX в. (по хиджре и от Р.Х. – В.Л.) наместник Антиохии назначил одного человека, получавшего 30 динаров в месяц от христианской общины, чтобы он, постоянно находясь возле алтаря, наблюдал за враждующими между собой членами общины и предотвращал человекоубийство» [24, с. 52]. При Аббасидах в городах функционировала также военно-полицейская служба, начальник которой «имел большие полномочия, мог по своему усмотрению начать следствие против предполагаемого преступника и вынести приговор» [18, с. 43].

Примером модели мусульманской полиции в Новое время была организация полиции в ханствах Средней Азии. В.В. Бартольд по этому поводу писал, что во главе полиции стоял здесь «*курбаши*, которому были подчинены четыре *миршаба*;³ из них четверо, имевшие под своим начальством каждый десять миршабов, назывались сотниками (юзбаши)» [3, с. 366] (Курс. авт. – В.Л.). Аналогичное описание организации полиции в дороссийском Ташкенте, который также был разделён на 4 части, «миршабов» – по сотне полицейских на каждую «часть» дают Н.П. Остроумов, Ф. Азадаев и М. Вахабов. [1; 10; 27, с. 42].

Бухарское полицейское управление считалось одним из самых строгих среди других среднеазиатских городов: «Днем раис сам обходит базары и публичные места или посылает своих многочисленных чиновников и шпионов. Через два часа по закату солнца никто не смеет показываться на улице. Сосед не смеет посетить соседа и большой рискует умереть от недостатка медицинской помощи, потому что эмир объявил, что миршебы (ночные сторожа) должны арестовать всех и даже его самого, если встретят его на улице в запрещенные часы» [8, с. 181]. Р.Х. Рахимзода так описывает их работу: «полицейские чиновники на конях и повозках разъезжали по городу всю ночь и всякого, встретившегося после полуночи, брали под стражу, а на другой день представляли нарушителя начальнику города» [28, с. 144–145]. Функции полиции в Бухарском ханстве исполняли разные категории людей. Это и есаул-баши и простые есаулы, а также «махрамы», «кассабардары» и «навхары» [28, с. 145]. В Хиве полиция функционировала в каждом квартале (махалля), работала ночью и в основном

³ Миршаб: «мир» – хозяин, «шаб» – ночь.

охраняла городские ворота, а также отлавливала ночных воров и «героев интриг» [8 с. 165].

Полицейский сыск. Работа мусульманской полиции в Средневековье достигла высших степеней эффективности, особенно в части политического сыска. То, что принято называть «тайной полицией», работало в мусульманских странах в рассматриваемый период весьма результативно. Так, наместник Хорасана Амр ибн Лейс ибн Муааддаль (879–900 гг.) «везде имел шпионов и знал все, что происходило в его владениях» [3, с. 280]. Для этих целей он покупал молодых рабов, обучал их шпионажу, а после дарил вельможам. Живя у вельмож, рабы доносили Амру о жизни своих господ, причём, никто из хозяев «не смел ударить раба без позволения государя» [3, с. 280]. На основе доносов потом строились обвинения в адрес вельмож, и те, откупаясь, отдавали в пользу казны часть своего имущества.

Система шпионажа была хорошо организована и при буиде Адуд ад-Дауле (ум. в 372/982 гг.), а также при правителе Делийского султаната Алауддине Хильдже (1296–1316 гг.), при котором «был создан сложный полицейский аппарат, введен тройной контроль независимых друг от друга служб осведомителей» [18, с. 293]. Правитель опасался заговоров и мятежей, и поэтому «знатым людям было запрещено посещать друг друга и устраивать пиры, чтобы они не воспользовались встречей для сговора против султана... даже во дворце малики опасались вступать в разговоры друг с другом» [18, с. 294]. Примером региональной модели организации полиции можно считать и соответствующие службы в средневековом Делийском султанате.

Аналогичную функцию выполняло и почтовое ведомство, которое осуществляло наблюдение за работой чиновников на местах. Почтовые ведомства имели разветвленный аппарат информаторов и наблюдателей, обязанных поставлять сведения о различных должностных лицах, настроениях местного населения [18, с. 9]. Зачастую почтмейстеры играли роль официального осведомителя (*сахиб ал-хабар*), «которому его шпионы (*айн*, т. е. «глаз») доносили все новости» [24, с. 83]. А. Мец считает это «византийским наследством», поскольку еще «при императоре Константине Великом его коллеги, которые к тому же именовались почтмейстерами (*veredarii*), обеспечивали службу информации (читай: тайную полицию. – В.Л.)». Последние должны были сообщать императору обо всём, что могло представлять хоть какой-то интерес.

Полицейский сыск был хорошо развит и в среднеазиатских ханствах. В воспоминаниях посетивших Бухару А.А. Лемана и Я.П. Яковлева сообщается, что «члены ученой экспедиции... подвергались на каждом шагу строгому надзору, точно опасные шпионы» [22, с. 480]. Аналогичную информацию дают нам и Е.К. Мейендорф, сотрудник российской миссии в эмирате в 1820 г. [23, с. 143], а также американский дипломат Ю. Скайлер, который по этому поводу писал: «Бухарскими властями я изначально рассматривался, как шпион и ни один из представителей администрации не был склонен верить моим правдивым заявлениям относительно истинных намерений поездки. При этом бухарские власти пытались получить сведения у моих слуг и даже попытались подкупить моего переводчика, суля ему вознаграждение, если он откроет им тайну моих действительных намерений» [34, с. 100].

Таким образом, в эпоху Средневековья и Новое время в мусульманских регионах мира полиция была представлена многими направлениями своей деятельности, в том числе и в сфере политического сыска.

Религиозная полиция в мусульманском мире

Важной особенностью деятельности полиции в мусульманских государствах была ее причастность к надзору за религиозным поведением верующих. Задачи полиции здесь имели характер, несколько отличающий её от иных мировых исторических модификаций, поскольку ислам рассматривался не только как вероучение, но и как закон, нарушение которого влекло за собой соответствующее наказание.

Существование религиозной полиции в мировой практике было присуще не только исламской ойкумене. Известны жестокие деяния христианской инквизиции в Европе или строгий надзор за верующими в кальвинистской Женеве. Но в мусульманских странах специальных подразделений религиозной полиции в рассматриваемый период было немного. А. Вамбери отмечал, что они существовали только в Мекке, Медине и в среднеазиатских ханствах, и что должность раисов («рейс-и-шариат») восстановил в 1802 г. «эмир Максум» [7, с. 131]. Однако отметим ошибочность указанной автором даты, поскольку в это время бухарского хана Сейида Шах-Мурада Бохадыр-хана по прозвищу «Маасум» (Безгрешный) уже не было в живых. Но А. Вамбери прав в том, что религиозную полицию в Бухарском ханстве возродил именно «безгрешный» правитель. Эмир Шах-Мурад требовал от подданных соблюдения всех норм ислама, но и сам отличался благонравием и похвальным религиозным поведением. Так, греческий митрополит Хрисанф, посетивший Бухару в конце XVIII в., писал о том, что «Маасум» «вел странную жизнь: с женой спит только однажды в неделю и то только по пятницам; мясом питается тоже только в пятницу, ест ячменный хлеб, а не пшеничный, притом для себя хлеб печет сам, а также пищу для себя готовит сам; он отличается большим лицемерием. Его шпионы следят за тем, чтобы все посещали мечети, а кто это игнорирует, тех наказывают палками». [31, с. 268]. Эмир не считал зазорным наниматься на работу к своим подданным, чтобы самому заработать на пропитание. Две его жены занимались ткачеством и жили за счет продажи своих изделий. Но одновременно в Бухарском эмирате процветала коррупция среди чиновничества.

В обязанности вновь возродившегося в среднеазиатских ханствах института раисов (мухтасибов) входили не только полицейские функции, но и деятельность «религиозного характера» [20, с. 62], как, например, наблюдение за исполнением населением предписаний ислама и шариата, контроль правильности мер и весов и т. д. В Ташкенте эти функции осуществляли «два раиса, которые назначались беком. Каждый раис имел отряд вооруженных гирянда (ловителей) по 10 чел. При обнаружении нарушителей правил раисы тут же приказывали гирянда бить их «даррой» (широкая, сшитая из нескольких слоев кожи плеть с короткой рукояткой)» [10, с. 10].

Отношение царской власти, утвердившейся в Туркестане, к институту мусульманской полиции было отрицательным, хотя первый российский руководитель региона генерал-майор М.Г. Черняев сохранил его в неприкосновенности. За либеральное отношение к исламу в Средней Азии он был в 1866 г. отстранен от должности, а так называемая «Степная комиссия», разрабатывавшая проект «Туркестанского положения» 1867 г., признала, что «означенный характер деятельности полицейского органа, проникнутый мусульманским фанатизмом, не может быть в видах нашего правительства» [14, с. 24]. Поэтому генерал К.П. Кауфман ликвидировал институт раисов в крае. Это не вызывало сильного недовольства среди местного мусульманского населения, поскольку большинство тяготило строгий полицейский надзор за религиозным

поведением, за исключением исламского духовенства и наиболее фанатичных верующих.

Однако царская власть не рассчитала последствия такого шага, будучи уверенной в его гуманистическом характере, призванном освободить мусульман края от засилья религиозной полиции. Это катализировало в обществе некоторые, существовавшие ранее в латентной форме деструктивные процессы в сфере нравственности. Так, газета «Туркестанские ведомости» со ссылкой на мнение мусульманских мулл-гаджиков по этому поводу писала: «До прихода русских, когда существовала должность раиса, в мечеть ходили из 30 прихожан 15–20, с занятием же округа (Зеравшанского. – *В.Л.*) русскими и с уничтожением раисов из такого же числа прихожан в мечеть являются на молитву 5 или 10, и то исключительно старики» [30]. Об этом писал и сенатор-ревизор Туркестанского края в 1908–1909 гг. К.К. Пален: «упразднение должности раисов... имело своим последствием падение нравственности. Народ, освобожденный от грозной и зоркой опеки раисов, в упоении дарованной ему свободы, предался пьянству и разврату. Пожилые и уравновешенные люди, а также все те, кто крепко и цепко держался седой старины, отрицательно и враждебно смотрели на вводимые нами реформы, считая, что русская власть ведет народ по пути неверия и безнравственности... В поданных ревизии прошениях неоднократно указывается на желательность восстановления должности раисов и необходимость сокращения в русских городах питейных заведений, где безнаказанно развращается мусульманская молодежь» [16, л. 47].

Схожие мнения по поводу падения нравственности среди местных жителей, давших «волю своим вожделениям» [26, с. 87] после упразднения должности раисов, мы встречаем также у В.П. Наливкина и зарубежной исследовательницы Е. Бэкон, отметившей, что это «привело к резкому сокращению посещения мечетей», и что многие «стали небрежно соблюдать свои религиозные обязанности» [4, с. 112]. Военный губернатор Самаркандской области, генерал-майор Н.С. Лыкошин также указывал, что после отмены Кауфманом раисов «благочестие мусульман сразу несколько поослабло; всякий, кого гнал в мечеть страх перед раисом – безнаказанно оставался дома» [21, с. 11]. По его мнению, ликвидация института раисов никак не бросила тень на политику веротерпимости русских властей Туркестана по отношению к исламу и его приверженцам в регионе. И хотя участники антирусского Андижанского восстания 1898 г. на допросах «единогласно показывали, что они... ненавидят русских за тот разврат, какой они вносят в жизнь магометанского населения; что, соприкасаясь с русскими, не уважающими своей веры и закона, и мусульмане начинают пренебрегать правилами ислама; что от русских они научаются пьянству, расточительности, обманам и сутяжничеству, что русские внесли разврат в семейную жизнь магометан и благодаря им появилась неизвестная в Туркестане ранее проституция» [31].

Однако разложение нравственности мусульман региона началось еще до появления России в Средней Азии. На эту мысль нас наводят слова мусульманского ученого муллы Холбек ибн Мухаммада Муссы Андижони, который в своей «Книге боев Аликули и записках чужестранца» писал, что в Кокандском ханстве развились «бачабазлик (мужеложество. – *В.Л.*), пьянство. Не боясь наказания Бога, многие занимались этим. Главой народа стали извращенцы и негодяи... Они и стали аксакалами и арбачами (старостами), стали совершать гнусные дела. Люди знания молчали, народ терпел унижения. Ученые и умные убежали в угол затворничества, совершались те дела, которые не должны делать мусульмане. Народ Лота совершал

грех. С каждого города пришли подлые и изменники... выдавали себя за знатоков дела. Увидев их, обманщики и подлые люди стали брать у них пример» [11, с. 85].

Не лучше было состояние нравственности и в Бухарском ханстве. Русский унтер-офицер Ф. Ефремов, в 1774–1782 гг. побывавший в плену в эмирате, писал о разложении нравов бухарских мусульман: «Любители (любовники. – И.В.) приходят в женском платье и веселятся, а иногда жены сказывают мужьям своим якобы ушли в гости, а вместо того уходят в другое место, где с любителями пребывают» [17, с. 33–34]. О развращенности правителей среднеазиатских ханств писал и А. Вамбери [8]. И всё это несмотря на то, что в Бухарском ханстве институт раисов в тот период продолжал функционировать, тогда как в остальном Русском Туркестане был ликвидирован. Каждый раис продолжал здесь следить «за посещением мечетей правоверными и исполнением ими своих обязанностей, записанных в священных писаниях. Он командовал полицейскими, которые плетью, по приказу раиса, наказывали нарушителей» [2, с. 55].

Аналогом религиозной полиции в среднеазиатских ханствах были соответствующие службы в Восточном Туркестане, где в ходе восстания 1860–1870-х гг. против китайского владычества возникло несколько мусульманских султанатов, самым крупным из которых было государство Якуб-бека (1820–1877 гг.) Джетишаар («Семиградье») в Кашгарии. Правитель был выходцем из Кокандского ханства и поэтому он хотел установить в своих владениях схожие порядки. Английский разведчик Е. Белью писал по этому поводу: «в городах Кашгарии были казы-раисы – блюстители мусульманских нравов. Каждый казы-раис выезжал на работу с секретарем, а впереди шли в два ряда (по три человека в каждом) члены его команды. Каждый держал в руках плеть – «дору», перекинутую через плечо. Народ при виде их разбежался или быстро приводил все в порядок. Кроме наблюдения за религиозной нравственностью мусульман, казы-раис проверял качество товаров, продуктов. При нарушении правил религиозного поведения и торговли виновных наказывали плетью» [5, с. 212–213]. А.Н. Куропаткин, будущий российский военный министр и туркестанский генерал-губернатор, в 1870-х гг. посетивший Кашгарию с военно-дипломатической миссией и видевший с Якуб-беком, так охарактеризовал раисов: «По смыслу закона и обычаю Раис есть блюститель общественной нравственности и чистоты обрядовой стороны магометанской религии» [20, с. 35].

Таким образом, появление в Средней Азии мусульманской религиозной полиции было сопряжено с необходимостью поддержания в обществе вероисповедной и нравственной дисциплины среди населения. Представляется, что деятельность раисов улучшила ситуацию только поверхностно, поскольку последующая отмена института раисов в Русском Туркестане послужила катализатором быстрой религиозно-поведенческой деморализации коренного населения, когда долго вызревавшие втуне негативные явления неожиданно обрели свободу открытого выражения.

Заключение

Появлению полиции как общественно-исторического института в мировом развитии предшествовал потестарный (догосударственный) период, в течение которого определенными людьми осуществлялись функции охраны общественного порядка среди членов родоплеменных сообществ, а власть в них умело использовала рычаги полицейского политического сыска. Эти обстоятельства легли в основу формирования института полиции и в государствах мусульманского Востока, что соответствовало общим закономерностям всемирного развития. Вместе с тем в государствах мусульманского Востока в эпоху

Средневековья и Новое время в процессе образования института полиции сыграла большую роль специфическая особенность, которая заключалась в том, что при отсутствии светского гражданского права единственной платформой для деятельности полицейских становилось религиозное законодательство – шариат. Это обстоятельство проявило себя во всех региональных исторических моделях мусульманской полиции. Оно придало соответствующий оттенок и деятельности политической полиции в странах исламского мира, что показывает пример эффективного взаимодействия диалектических категорий «общего» и «особенного» во всемирно-историческом процессе.

Спецификой мусульманской полиции являлось и выполнение ею функций надзора за религиозным поведением верующих, хотя он существовал и в христианском мире в виде, например, инквизиции в Испании, или службы соблюдения нравов в кальвинистской Женеве. Но там он был более явлением «повседневности», чем строго институциональным образованием. В этом отношении в мусульманском мире отличались среднеазиатские ханства, где религиозная полиция была введена в связи с усилившимся падением вероисповедной нравственности. Она была призвана придать этому процессу возвратное направление. Однако вряд ли преуспела, поскольку после отмены института раисов на российских территориях Средней Азии началось заметное «обмеление» религиозного поведения мусульман. Неожиданная свобода в личной жизни вызвала проявление тех тенденций, которые долгое время скрывались под гнетом властного надзора. Безусловно, это способствовало либерализации жизни коренного социума Русского Туркестана, но стало проблематичным для поддержания в его рядах должного морального порядка и вызвало протестные настроения среди наиболее фанатичных адептов ислама. Сохранение института религиозной полиции в Бухарском ханстве по соседству со «свободой» мусульман в Туркестанском крае порождало много проблем для правительства эмирата. Однако в исторической ретроспективе в целом полиция в странах мусульманского Востока в эпоху Средневековья и Новое время сыграла положительную историческую роль.

Литература

1. *Азадаев Ф.* Ташкент во второй половине XIX века (очерки социально-экономической и политической истории). – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959. – 240 с.
2. *Ахмедов Р.* Материалы по истории таджикского народа. – Душанбе: Фан, 2004. – 304 с.
3. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // *Бартольд В.В.* Собр. соч. Т. II, ч. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 474 с.
4. *Бэкон Е.Е.* Жители Центральной Азии под властью России. Исследование культурных изменений. – Нью-Йорк: Корнельский университет, 1966. – 273 с.
5. *Белью Е.* Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873–1874 гг. – СПб.: Тип. товарищества "Обществ. польза", 1877. – 309 с.
6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Канонические. Гл. 13, ст. 8–10. – М.: СП "Авангард", 1991. – 538 с.
7. *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1867. – 362 с.
8. *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году. – СПб.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1865. – 369 с.

9. *Вамберги Г.* История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. Т. 2. – СПб., 1873 – 569 с.
10. *Вахабов М.* Ташкент в годы трех революций. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1957. – 284 с.
11. *Вахидов Ш.Х.* Взгляд мусульманских авторов на русское завоевание Туркестана. Эволюция новых реалий: «за» и «против» // Востокведческие чтения памяти Н.П. Остроумова: сб. материалов. – Ташкент: Изд. Ташкентской и Среднеазиатской Епархии, 2010. – 399 с.
12. Всемирная история: в 10 т. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1957. – 896 с.
13. Всеобщая история государства и права / под ред. К.И. Батыра. – М.: Былина, 2001. – 425 с.
14. *Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов. Т. 2. – СПб., 1898 – 741 с.
15. *Грюнебаум Г.Э.* Классический ислам. Очерк истории (600–1258). – М.: Наука, 1986. – 215 с.
16. Дело о преобразовании управления Туркестанского края (6 января – 27 июня 1911) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 47.
17. *Ефремов Ф.* Девятилетнее странствование. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1952 – 79 с.
18. *История стран Азии и Африки в Средние века. Ч. 1.* – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 852 с.
19. *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. – СПб., 1870. – 358 с.
20. *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны. Ее военные силы, промышленность и торговля. – СПб., 1879. – 435 с.
21. *Лыкошин Н.С.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – Петроград: Т-во «В.А. Березовский», 1917. – 415 с.
22. *Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. – М.: Просвещение, 1967 – 336 с.
23. *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – 180 с.
24. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. – М.: ВиМ, 1996. – 536 с.
25. *Мюллер А.* История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. Т. 1–2. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 911 с.
26. *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. – Ташкент, 1913. – 144 с.
27. *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. Т. 1. – Ташкент, 1890. – 174 с.
28. *Рахимзода Р.Х.* Состояние розыскной деятельности в досоветском Таджикистане // Юридические науки: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 144–145.
29. Теория государства и права: курс лекций. – М.: Юристъ, 2001. – 771 с.
30. Туркестанские ведомости // 1871. – № 17. – 24 мая.
31. Туркестанские епархиальные ведомости // 1908. – № 8. – 15 апреля. Часть неофициальная.
32. Туркестанские епархиальные ведомости // 1908. – № 19. – 1 октября.
33. *Скайлер Ю.* Туркестан. Заметки о путешествии по Русскому Туркестану, Коканду, Бухаре и Кульдже. Т. 2. – Лондон: Лоу Марстон, 1876. – 462 с.
34. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1982. – 222 с.

References

1. Azadaev F. *Tashkent in the Second Half of the 19th Century. (Essays on Socio-Economic and Political History)*. Tashkent. Ed. Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1959. – 240 pp. (in Russian)
2. Akhmedov R. *Materials on the History of the Tajik People*. Dushanbe. Fan, 2004. – 304 pp. (in Russian)
3. Bartold V.V. *History of the Cultural Life of Turkestan*. Bartold V.V. Essays. Vol. II. Part 1. Moscow. Ed. Academy of Sciences of the USSR, 1963. 474 pp.
4. Bacon E.E. *Central Asians under Russian Rule. A Study in Culture Change*. N. Y: Cornell univ. press, 1966. 273 pp. (in Russian)
5. Bellew, H.W. *Kashmir and Kashghar. A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashghar in 1873–74*. St. Petersburg. Common Good Publishers, 1877. 309 pp. (in Russian).
6. *The Bible. The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments (Canonical)*. Chapter 13. Pp. 8–10. Moscow. SP "Avangard", 1991. 538 pp. (in Russian).
7. Vambery, Armin. *Travels in Central Asia*. Moscow: A.I. Mamontov and Co., 1867. – 362 pp. (in Russian).
8. Vambery, Armin. *Travel in Central Asia. Description of a Trip from Tehran Through the Turkmen Steppe Along the Eastern Shore of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand, in 1863*. St. Petersburg. A.I. Mamontov and Co., 1865. 369 pp. (in Russian).
9. Vambery G. *The History of Bokhara or Transoxania from Ancient Times to the Present*. Vol. 2. St. Petersburg: Ya. A. Isakov, 1873. 569 p. (in Russian).
10. Vakhobov M. *Tashkent in the Years of Three Revolutions*. Tashkent. State Publishing House of the Uzbek SSR, 1957. 284 pp. (in Russian).
11. Vakhidov Sh.Kh. The View of Muslim Authors on the Russian Conquest of Turkestan. The Evolution of New Realities: pros and cons. *Orientalist readings in memory of N. P. Ostroumov. Collection of materials*. Tashkent. Publishing House of the Tashkent and Central Asian Diocese, 2010. 399 pp. (in Russian).
12. *World History*. In 10 volumes. Vol. 3. Moscow. Gospolitizdat, 1957. 896 pp. (in Russian).
13. *Universal History of State and Law*. Edited by K. I. Batyr. Moscow. Bylina, 2001. – 425 pp. (in Russian).
14. Gaines A.K. *Collection of Literary Works*. Vol. 2. – St. Petersburg: M. Stasyulevich, 1898. – 741 pp. (in Russian).
15. Grunebaum G.E. *Classical Islam. An Essay of History (600–1258)*. Moscow. Nauka, 1986. 215 pp. (in Russian).
16. RGVA. F. 400. Op. 1. D. 3959. *The file of the reorganization of the administration of the Turkestan region (January 6 - June 27, 1911)*. P. 47. (in Russian)
17. Efremov F. *The Nine-Year Journey*. Moscow. State Publishing House of Geogr. lit., 1952. 79 pp. (in Russian).
18. *History of Asian and African Countries in the Middle Ages*. Part 1. Moscow. MSU, 1987. 852 pp. (in Russian).
19. Kostenko L. *Central Asia and the Establishment of Russian Citizenship Therein*. St. Petersburg. A.F. Bazunov, 1870. 358 pp. (in Russian).
20. Kuropatkin A.N. *Kashgharia. Historical and Geographical Sketch of the Country, Its Military Forces, Industry and Trade*. St. Petersburg. Imp. Rus. Geographical Society, 1879. 435 pp. (in Russian).
21. Lykoshin N.S. *Half a Life in Turkestan. Essays on the Life of the Native Population*. Petrograd. V.A. Berezovsky Publishers, 1917. 415 pp. (in Russian).
22. Magidovich I.P. *Essays on the History of Geographical Discoveries*. Moscow. Enlightenment, 1967. 336 pp. (in Russian).

23. Meyendorf E.K. *Journey from Orenburg to Bukhara*. Moscow. Nauka, 1975. 180 pp. (in Russian).
24. Metz A. *Muslim Renaissance*. Moscow. ViM, 1996. 536 pp. (in Russian).
25. Muller A. *The History of Islam. From the Pre-Islamic History of the Arabs to the Fall of the Abbasid Dynasty*. Vol. 1–2. Moscow. AST: Astrel, 2006. 911 pp. (in Russian).
26. Nalivkin V.P. *Natives in Earlier Times and Now*. Tashkent. A.L. Kirsner, 1913. 144 p. (in Russian).
27. Ostroumov N.P. *The Sart. Ethnographic materials*. Vol. 1. Tashkent. Tipolit. F. and G. Kamensky Brothers Publishers, 1890. 174 pp. (in Russian).
28. Rakhimzoda R.H. The Condition of Investigative Activities in the Pre-Soviet Tajikistan. *Legal Sciences: History and Modernity*. 2016, no. 7. Pp. 144–145. (in Russian).
29. *Theory of State and Law: Course of lectures*. Moscow. Yurist, 2001. 771 pp. (in Russian).
30. *Turkestan Bulletin*. 1871, no. 17. May 24. (in Russian).
31. *Turkestan Diocesan Gazette*. 1908, no. 8. April 15. The unofficial part. (in Russian).
32. *Turkestan Diocesan Gazette*. 1908, no. 19. October 1. (in Russian).
33. Schuyler Eugene. *Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja*. Vol. 2. London. Low, Marston, 1876. 462 pp. (in Russian).
34. Engels F. *The Origin of the Family, Private Property and the State: in the Light of the Researches of Lewis G. Morgan*. Moscow. Politizdat, 1982. 222 pp. (in Russian).